

О переводимости «Московского дневника» Вальтера Беньямина. Критический взгляд из XXI века

СЬЮЗАН ГИЛЛЕСПИ

Вице-президент по специальным глобальным инициативам, Бард Колледж.
Адрес: P.O. Box 270, Rosendale, NY 12472, USA. E-mail: gillespi@bard.edu.

Ключевые слова: переводимость; кризис; критика; политика;
буржуазные интеллектуалы.

В «Задаче переводчика» Вальтер Беньямин настаивает на том, что слава великих произведений проявляется лишь постепенно, в значениях, приписываемых им будущими поколениями и в новых переводах. Так они живут и движутся к вечности. Современная слава «Московского дневника», по общему признанию, связана с понятием, которое употребляется в нем мимоходом, но которое было основополагающим для совместного беньяминовского и брехтовского нереализованного проекта 1930 годов — журнала «Кризис и критика». Цель журнала состояла в объединении буржуазных интеллектуалов, столкнувшихся с войной, экономической нестабильностью и политическим насилием, вокруг общего аналитического и политического проекта. Кризис заставил Беньямина принять (в конечном счете отрицательное)

решение о вступлении в коммунистическую партию и обострил его понимание конфликта между формальным и метафизическими аспектами его творчества — между формой и содержанием.

Ответ на политический, интеллектуальный, личный и эстетический кризис, воплощенный в «Московском дневнике», выглядит предвестием фрагментарной, монтажной формы «Труда о пассажах» и вызовом интеллектуалам XXI века. Наша задача — ответить критическим прочтением событий, которое необходимо является политическим и (также) должно описываться через противостояние и борьбу. Как перевод работы Беньямина на язык нашей эпохи этот ответ сознательно оставляет открытым пространство для возникновения новых, теоретически непредвиденных революционных значений и возможностей.

В ПЕРВЫХ фразах «Задачи переводчика» Вальтер Беньямин утверждает:

Нигде и ни в чем оглядка на воспринимающего не оказывается плодотворной для постижения произведения искусства или художественной формы... Никакое стихотворение не предназначено читателю, никакая картина — зрителю, никакая симфония — слушателю¹.

Ни одно произведение искусства, согласно Беньямину, не занимается передачей содержания. Другие формы письма — журналистика, реклама, популярная литература — передают содержание. Произведения искусства делают нечто большее, и критерий, по которому мы распознаем их величие, — их переводимость. Великим произведениям искусства внутренне присуща та ценность, которая не может быть полностью известна или признана во времена их создания. В связи с непостижимостью присущих им качеств такие произведения подвергаются повторным переводам. Это то, что Беньямин, как известно, называл «после-жизнью»² произведения. Великие произведения имеют витальную (в обоих смыслах слова) после-жизнь.

Перевод с английского *Ирины Казаковой*.

1. *Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers // Gesammelte Schriften / R. Tiedemann, H. Schwepenhäuser (eds). Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991. Bd. IV-1. S. 9.* (Здесь и далее цитаты из работ Беньямина даны по оригинальным немецкоязычным текстам, представленным в Собрании сочинений. В связи с этим авторские оригинальные сноски были в ряде случаев структурно трансформированы, что, однако, не нарушило логику их следования и общее содержание ссылочного материала автора. Все смысловые ссылки оставлены в их исходном виде. Сноски, в которых обсуждаются вопросы перевода немецких слов на английский язык, переведены с сохранением английской терминологии; сноски, отсылающие к англоязычным первоисточникам, оставлены без изменений. — *Прим. пер.*)
2. В английских переводах работ Беньямина во всех имеющихся в тексте случаях используется слово *afterlife*, что сопоставимо с беньяминовским *Nachleben*, в то время как в оригинальном немецком тексте появляются также другие варианты, например *Fortleben*, которое в английском переводе снова звучит как *afterlife*, однако означает не просто «после», но длящееся, устремленное вперед продолжение. Поэтому для сохране-

В «Задаче» Беньямин перечисляет характеристики великого произведения следующим образом:

История великих произведений искусства знает о точке их восхождения из определенных источников, об их создании в эпоху художника и временном периоде их принципиально вечной после-жизни [*Fortleben*] в последующих поколениях. Это последнее, где произведение искусства себя проявляет, называется славой. Переводы, которые являются чем-то большим, нежели только передачей сообщения, возникают, когда в своей после-жизни [*Fortleben*] произведение достигло эпохи своей славы. Поэтому не столько переводы служат произведению, как на это имеют обыкновение претендовать в своей работе плохие переводчики, сколько они обязаны ему своим существованием. В них жизнь оригинала постоянно достигает своего возобновленного самого позднего и самого всеохватного расцвета³.

Беньямин переворачивает и опрокидывает всеобщие ожидания, связанные с тем, что произведения якобы предназначены для читателей. Ни содержание произведений, ни значения, вкладываемые писателями, не делают их в конечном счете заслуживающими внимания новых поколений читателей. То, что живет в произведении и делает его великим, есть что-то еще: набор не-интенциональных значений, которые представлены в них и которые резонируют с более поздними эпохами. Переводчики, издатели и критики всегда исходят из перспективы собственной исторической эпохи, чтобы спасти от истории новые прозрения и понимания, имеющие значение для настоящего момента. Таким образом содержание произведений изменяется с ходом времени. Это изменение конституирует, выражаясь беньяминовским языком, «после-жизнь» этих произведений.

Одновременно с этим Беньямин развенчивает противоположное, утилитарное положение о том, будто произведения и их интерпретация просто служат интересам более поздних эпох. Его аргумент здесь более строг и менее циничен: произведения и их значение (-я) могут быть восприняты позднейшей эпохой только в те специфические моменты, когда их содержание совпадает с настоящим восприятием в том, что он будет часто обозначать термином «сейчас-распознаваемость»⁴.

ния смыслового оттенка мы в некоторых случаях оставляем в скобках немецкое слово. — *Прим. пер.*

3. *Ibid.* S. 11.

4. Многие переводчики выбирают слова *recognize*, *recognition* и *recognizability* в качестве английского эквивалента беньяминовских слов *erkennen*

Когда речь заходит о произведениях, которые Бенъямин называет «великими», он отсылает к будущей жизни, или после-жизни, то есть «в принципе, вечной». Их вечное значение, как поясняет «Задача», связана с природой переводимости самой по себе, которую Бенъямин выводит из спекулятивного существования «чистого языка», который, в свою очередь, есть *sum total* всех реальных и возможных языков — географически, лингвистически и темпорально, — как они усиливают друг друга в выражении всего, что, в конце концов, возможно мыслить и говорить. «Чистый язык» — открытая категория, которая для Бенъямина в «Задаче» находит свое ограничение в памятовании Бога как метафизического резервуара всего возможного значения. Масштабная, теологическая обширность этой спекуляции связывает переводимость великого произведения с искуплением, в то время как переводы сами по себе, будучи зависимыми от нужд и перспектив эпохи, которая создает актуальные для себя переводы, вкраплены согласно строю своих значений в разворачивающийся ход истории.

Является ли «Дневник» «великим произведением»? Вообще произведение ли это? Определенно, «Московский дневник» не был предназначен для публикации. Дневники некоторых авторов написаны с оглядкой на последующие поколения, в ожи-

и *Erkennbarkeit*. В большинстве случаев, однако, *cognize*, *cognition* и *cognizability* оказываются более аккуратным выбором, поскольку они не предполагают, что воспринятая вещь или мысль уже была известна ранее. Менее расхожее *cognize* и родственные ему в английском также наделены строгостью и неким ореолом отдаленности, которые помогают разместить бенъяминовскую мысль в надлежащий ей философский контекст. (Немецкое *Jetzt der Erkennbarkeit*. При переводе слова *Jetzt* словом *сиюминутность*, как это иногда происходит, появляются избыточные коннотации, отсутствующие в немецком слове *jetzt*, которое буквально означает *сейчас*. В письме от 9 октября 1930 года Бенъямин пишет Адорно: «Но то, что я хотел тебе рассказать, представит в новом и отчасти тебе хорошо знакомом свете и даже — я уверен — разоблачит то, что тебе хорошо знакомо. ...что я в эти последние недели понял [*erkannt habe*] тот сокрытый характер структуры в сегодняшнем [*jetztigen*] искусстве — в сегодняшнем [*jetztigen*] положении искусства, который позволяет распознать [*erkennen*] для нас то решающее, именно сейчас актуально насквозь пронизывающее в «судьбе» искусства в XIX веке. И у меня, таким образом, есть моя теория познания [*Erkenntnistheorie*], кристаллизовавшаяся для меня в понятии, которое, возможно, даже тебе не близко и мне самому кажется весьма эзотеричным — „сейчас [во мн. ч.]-распознаваемости“ и которое вот уже реализовалось в ключевом примере. Я обнаружил тот аспект искусства XIX века, который никогда не был прежде и которого потом никогда не будет» (*Idem. Zeugnisse zur Entstehungsgeschichte // Gesammelte Schriften. Bd. V. S. 1148*). — Прим. пер.)

дании, что они могут быть однажды опубликованы. Но не «Московский дневник» — по крайней мере не в полном виде. В письмах Беньямин раз за разом упоминал заметки своего московского журнала как материал, из которого он планировал отобрать фрагменты для дальнейшей публикации⁵. Для него стало привычкой вести дневник во время путешествий и редактировать отобранные пассажи для последующих публикаций. Среди всех текстов Беньямина, основанных на путевых заметках, нет ни одного случая, когда «сырой» дневник был бы отправлен в публикацию целиком. В случае «Московского дневника» существуют, кроме того, понятные причины, по которым Беньямин не хотел, чтобы текст появился в печати в неотредактированной форме. В рукописи попросту слишком много острых замечаний в сторону официальных лиц, чиновников, множество тривиальных наблюдений и болезненных признаний по поводу чувств к Асе Лацис⁶.

И потому, если смотреть из 2016 года, вряд ли можно отрицать, что «Дневник» имеет после-жизнь и его даже можно квалифицировать как «великое» произведение — откликающееся той эпохе, в которую оно переводится впервые или заново, служит ей, зависит от нее, хотя, кроме этого, еще и указывает за ее пределы, в сторону вечности. Когда мы вглядываемся в переводы «Дневника» на английский или русский язык и принимаем во внимание выставки и конференции, на которых эта работа вновь и вновь обсуждается и интерпретируется в 2016 году, наш анализ может позволить, еще приблизившись к тексту, распознать что-то в нем и одновременно в нашей собственной ситуации, которая иначе не представляла бы перед нами с такой ясностью, — что-то, что указывает в сторону веч-

5. Из письма Юлии Радт от 26 декабря 1926 года: «Я не уверен сейчас, что соберусь писать о моем здесь пребывании. Я... собрал большое количество материала вместе в форме дневника» (Цит. по: *Idem. Moscow Diary / G. Smith (ed.), R. Sieburth (trans.), G. Scholem (preface). Cambridge; L.: Harvard University Press, 1986*). Гарвардское издание включает внесенные Смитом исправления к первой англоязычной публикации: *Idem. Moscow Diary // October. 1985. № 35. P. 4–146*. (В русский перевод «Дневника» письмо Юлии Радт не включено. — *Прим. пер.*)

6. Связано это главным образом с описанием личного отношения Беньямина к Лацис, поскольку первое немецкое издание, подготовленное редактором Гари Смитом, появилось в 1980 году, через год после смерти Лацис. В своем послесловии Смит замечает, что отношения Беньямина с Асей были одной из причин, по которым публикация была отложена до 1980 года (*Ibid.* P. 145). В продолжение публикаций в 1986 году появляется издание американского переводчика Ричарда Сиберта и только в 1996 году — русский перевод.

ности и может породить «вспышку» прозрения, характеризующую возникновение диалектических образов Беньямина и их мощь обнаруживать непредвосхищаемые резонансы и возможности.

В предпоследнем пассаже «Задачи» Беньямин указывает на финальную лингвистическую несоизмеримость как характеристику письменного произведения искусства:

Даже если смысл⁷ речевого творения может быть определен идентичным сообщению, то все равно крайне близко к нему, и при том бесконечно далеко, под ним сокрыто, или точнее, им преломлено, или еще мощнее, вне всякого сообщения остается последнее, решающее. Оно остается во всех языках и языковых творениях, за сообщаемым остается не-сообщаемое, в зависимости от контекста, в котором оно застается, символизирующее или символизируемое⁸.

Если мы можем установить в акте аналитического допущения, которое основывается на анализе «Дневника» и обеспечивает необходимые предваряющие наброски по поводу того непередаваемого «нечто», что «Дневник» символизирует, потому что указывает в сторону вечности, то это может помочь объяснить имеющий место всплеск интереса к нему в США и России. Возможно, это также что-то говорит нам о нашем собственном моменте во времени, когда это произведение вдруг становится важным и читается как критический текст (в обоих смыслах слова).

В таком случае каковы характерные черты, которые позволяют «Московскому дневнику» Вальтера Беньямина претендовать на переводимость в эпоху славы? Что это говорит о настоящей эпохе, которая таким образом отзывается изнутри дневника, что это восполняет назревшую нужду и потому также обращает в сторону вечности?

Несколько особенных черт могут характеризовать сегодняшнюю увлеченность «Дневником». Назову некоторые из них: здесь есть репрезентация чувства члена интеллектуального *прекариата*,

7. В немецком оригинале здесь используется слово *Sinn*, которое связано с английским словом *senses* (немецкое *Sinne*) и подразумевает вид направленного вперед импульса, как в *Uhrzeigersinn*, или направление движения часовой стрелки. *Sinn* больше зависит от контекста, менее расширительно, нежели *Bedeutung* (*meaning*). (Немецкое *Sinn* восходит, по одной из версий, к древнегерманскому *sinnan* — «стремиться, устремляться, отправляться в путь», — и в этом смысле в нем может содержаться указание на цель. — Прим. пер.)

8. *Idem*. Die Aufgabe des Übersetzters. S. 19.

обеспокоенного тем, способен ли он поддержать себя во время экономической нестабильности и политической опасности. Также есть сопряженный с этим центральный вопрос об этической и — что более важно — политической роли и ответственности интеллектуалов в такое время. Наконец, есть эстетическое измерение — набор вопросов и подходов, которые Беньямин более полно артикулирует в «Проекте аркад» (англ. перевод *Passagen-Werk*) и которые связаны с практикой «литературного монтажа» и, я бы сказала, с сегодняшними идеями о роли искусства как производства знаний.

Что общего эти вопросы имеют с другими и с этим конкретным периодом жизни Беньямина, который находит выражение в «Дневнике» и особенно хорошо способен резонировать с читателями XXI века, здесь и сейчас? Речь идет о понятии, которое, как мне кажется, положено в основу «Дневника» и имеет общее происхождение с пожизненным устремлением и активностью Беньямина как критика. Это *кризис*⁹.

Слово *кризис* появляется в «Дневнике» лишь однажды в записи от 9 декабря, всего два дня спустя после прибытия Беньямина в Москву, в сделанном мимоходом замечании, на самом деле отрицающем кризис, и возникает в скобках — учетверение риторической фигуры паралепсиса, которая подчеркивает истину или важность высказывания, отрицая или преуменьшая его внешне. Это сообщение Беньямина о комментариях Аси Лацис: «(После обеда она сказала, что ей кажется, что у меня все хорошо. Она не верит, что я в кризисе)»¹⁰.

Что ж, если и есть что-то, что Вальтер Беньямин испытывал в 1926–1927 годах, то это был кризис — кризис на всех фронтах¹¹. Этот кризис задевал все принципиальные вопросы жизни: любовь, работу, политику и искусство. Это был кризис личный, профессиональный и безотлагательно политический, и он содержал зачатки художественного сдвига в его манере письма. Что касается лично-

9. Слова «кризис» и «критик» происходят от одного древнегреческого глагола *krínein* — «разделять, судить, разбирать». — *Прим. ред.*

10. *Idem. Moscow Diary*. P. 16. (Перевод восстановлен по: *Idem. Moskauer Tagebuch // Gesammelte Schriften*. Bd. VI. S. 297. — *Прим. пер.*) Четыре измерения паралепсиса: 1) парентезис, 2) небрежный тон, 3) косвенная речь, 4) отрицание кризиса.

11. В недавней биографии Ховарда Эйланда и Майкла Дженнингса подчеркивается жизненный кризис Беньямина в 1926–1927 годах, обсуждаемый нами в 2016–2017 годах (*Eiland H., Jennings M. W. Walter Benjamin. A Critical Life*. Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 2014. P. 270; рус. пер.: *Эйланд Х., Дженнингс М. Вальтер Беньямин: жизнь в критике*. М.: Дело, 2017).

го, то Беньямин был страстно влюблен в женщину, которая не отвечала на его чувства¹². Профессиональный связан с отклонением его второй диссертации (хабилитационной¹³ работы) в 1925 году, которое, по сути дела, привело к завершению его академической карьеры; он был в Москве в командировке для журнала Мартина Бубера *Die Kreatur*¹⁴ и стремился (как выяснилось, безуспешно) обеспечить себе твердые обязательства для продолжения работы с российскими изданиями. Политически, как многие другие интеллектуалы в 1920-е годы в Европе, он задавался вопросом, присоединиться ли к коммунистической партии. Также Беньямин обдумывал будущее своей интеллектуальной работы, спрашивая себя, в какой форме она могла бы отвечать вызовам современного мира.

В трех других местах «Дневника», как в письме, которое он писал из Москвы, Беньямин использует прилагательное «критический» в значении опыта переживания или наличия признаков кризиса. Первый раз — 14 декабря в связи с ситуацией Аси Лацис в санатории, где она проходила лечение от нервного недуга, и затруднительными попытками Беньямина добиться встречи с ней («Ситуация в санатории становилась *критической*»¹⁵). Через двенадцать дней, 26 декабря, он пишет другу, Юлии Радт, по поводу «очень критических вопросов», которые ставили перед ним и интеллектуалами левого толка реалии настоящего большевистской революции:

Не думайте, что это легко — сообщать о том, что происходит здесь. Я буду много работать над тем, что я вижу и слышу, если придется придать этому какую-то форму. В текущем состоянии дел настоящее — даже если оно преходяще — имеет исключи-

12. Как отмечает Сьюзен Ингрэм в публикации «Писем Аси Лацис», не только дневник сам по себе, но и дневниковые записи начинаются с Аси, особенно во время первой части поездки (*Ingram S. The Writing of Asja Lacis // New German Critique. 2002. Vol. 86. P. 159–177*). Ингрэм предлагает особенно резкий критический портрет Лацис, представленный в большинстве вторичной литературы по «Дневнику».
13. То есть соответствующей степени доктора наук. — *Прим. ред.*
14. Эссе «Москва», основанное лишь на избранных и сильно отредактированных выдержках из «Дневника», появилось в периодике: *Benjamin W. Moskau // Die Kreatur. 1927. Vol. 2. S. 71–101*. Его можно найти в собрании сочинений (*Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV-1. S. 316–348*).
15. *Idem. Moscow Diary. P. 21*. Курсив мой. — С. Г. (В оригинале Беньямин в этой записи не использует слово «критическая». Точная цитата: *Im Sanatorium spitzt die Lage sich zu* — «В санатории положение обостряется»). Восстановлено по: *Idem. Moskauer Tagebuch. S. 303*. — *Прим. пер.*)

тельную ценность. Все строится или перестраивается, и ежемоментно ставятся очень *критические* вопросы¹⁶.

В дневниковой записи того же самого дня Беньямин сообщает, что в беседе с Бернхардтом Райхом «...я все же признал, что я был в *критической* ситуации, постольку поскольку моя активность как автора была под вопросом»¹⁷.

И 30 декабря, опять же в Москве, он пишет о «критической фазе» буржуазных культурных ценностей, наступившей в России, в контексте попытки большевиков придержать революционные изменения, одновременно указывая на «катастрофический недостаток образования» («Эти буржуазные культурные ценности сами по себе вошли в крайне *критическую* фазу с падением буржуазного общества»¹⁸).

Наконец, в черновике статьи, которую Беньямин писал вслед за своим возвращением в Берлин и собирался направить для публикации во французскую газету *L'Humanité*, он задним числом описывал цель своей поездки так:

...выяснить: как пробавляется интеллигенция той нации, работодателем в которой является пролетариат?.. Учитывая их ощущение очевидного *кризиса* относительно участи интеллигенции в буржуазном обществе... писатели... художники [и] театральные режиссеры... изучали Россию и поддерживали связь со своими российскими коллегами¹⁹.

16. *Idem*. Moscow Diary. P. 127. Курсив мой. — С. Г. (На данных страницах английского издания «Дневника» находится письмо Юлии Радт, которого нет в русском издании. Также указанное английское издание сопровождается другими письмами — Гершому Шолему, Зигфриду Кракауэру, Мартину Буберу, Гуго фон Гофмансталу, которые Беньямин писал из Москвы. — *Прим. пер.*)
17. *Ibid*. P. 47; запись от 26 декабря. Курсив мой. — С. Г. Признание следует за диалогом о разрушении языка в России, которое описывается как результат подчинения литературы двум противоборствующим силам: с одной стороны, акцент исключительно на передаче сообщения, с другой — противовесная тенденция стремления к абсолютной экспрессии, ведущей к «мистической тишине». (Вероятно, опечатка. Речь идет о записи от 27 декабря. Точная цитата: *Die kritische Situation meiner eigenen Autorschaft aber gab ich zu* — «Но критическую ситуацию моего собственного авторства я признал». Восстановлено по: *Idem*. Moskauer Tagebuch. S. 331. — *Прим. пер.*)
18. *Idem*. Moscow Diary. P. 54. Курсив мой. — С. Г.
19. Черновой текст для *L'Humanité*, датированный 1 мая 1927 года, продолжает: «Это то же самое чувство, когда я обнаружил себя в городе, где я в своей исключительно писательской ипостаси вкусил привилегии как

И вновь: фокус на роли интеллигенции в период острого и «очевидного» кризиса.

Во время своего московского визита, в контексте своего личного ответа на «кризис относительно участи интеллигенции», Беньямин оказался перед дилеммой в реальной жизни — вступать или нет в Коммунистическую партию Германии. Пассаж в его дневниковой записи от 9 января, хотя и достаточно длинный, при повторном перечитывании сводится к дотошному самоанализу и вопрошанию себя о собственной интеллектуальной позиции. Этот пассаж включает усердный пересчет обстоятельств, стоящих перед ним как писателем во второй половине 1920-х годов, и острые вопросы о глубинных целях его работы, чтобы, как Беньямин надеется, в этой работе заняться критическими вопросами дня:

Дальнейшие соображения: вступить в партию? Решающие преимущества: твердая позиция, мандат, даже если только для проформы. Организованный, гарантированный контакт с людьми. Против этого: быть коммунистом в государстве, где господствует пролетариат, означает полностью отказаться от своей частной независимости. Уступить, так сказать, партии ответственность за организацию собственной жизни. Но там, где пролетариат угнетен, это значит присоединиться к угнетенному классу со всеми последствиями, которые рано или поздно могут наступить. Позиция застрельщика была бы соблазнительна, если бы не существование коллег, чьи действия при всяком случае демонстрируют тебе сомнительность этой позиции. Внутри партии: огромное преимущество иметь возможность проектировать свои собственные мысли в такое как бы предзаданное силовое поле. Что касается того, чтобы остаться в стороне, и допустимости последнего, то она в конечном счете определяется вопросом, можно или нет занять это положение с достоверной собственной и профессиональной пользой, не переходя на позиции буржуазии и, соответственно, не навредив при этом работе. Если я вообще могу дать какое-то конкретное оправдание моей дальней-

материального, так и административного свойства (я не знаю никакого другого города, кроме Москвы, где государство платило бы за номер писателя — более того, все гостиницы находятся в ведении Советов). Следующие фрагменты были выбраны из дневника, который я постоянно вел там на протяжении 8 недель. Моим усилием была попытка сопроводить передачу образа пролетарской Москвы, которую можно познать, только когда сам свидетельствуешь о ней, покрытой льдом и снегом, и сверх всего я попытался воспроизвести физиогномику ее трудовых будней и новый ритм, передающий жизнь и рабочих, и интеллектуалов (Ibid. P. 133–134). (В русское издание этот черновик также не включен. — *Прим. пер.*)

шей работе, особенно научной работе с ее формальными и метафизическими основаниями. Что «революционного» есть в ее форме и есть ли «революционное» в ней вообще. Имеет ли смысл мое нелегальное инкогнито среди буржуазных авторов. И будет ли определяющим образом способствовать моей работе избегание определенных крайностей «материализма», или мне следует попытаться в партии же разобраться с ними. Борьба здесь идет по всем важным ограничивающим моментам, которые установлены в той специализированной работе, которую я до сих пор вел. И со вступлением в партию — по крайней мере экспериментальным — эта борьба должна прекратиться, если на таком узком базисе эта работа не может следовать ритму моих убеждений или организовывать мое существование. Пока я продолжаю путешествовать, вступление в партию, надо признать, остается чем-то совершенно немислимым²⁰.

В конечном счете членство в коммунистической партии не стало реалистичным вариантом для Беньямина. Характерно, что в этом решении он ориентировался на то, как вступление в партию могло повлиять на его работу. Опасения Беньямина были как практического, так и интеллектуального свойства: как непосредственное беспокойство о том, чтобы он сохранил способность писать, а его работы публиковались и читались, так и более основательные размышления об их интеллектуальной глубине, резонансе и, наконец, их значении.

Дневниковая запись также ясно указывает на то, что московский визит был поворотным моментом для работы Беньямина. Между «формальным и метафизическим базисом» его прошлого письма, с одной стороны, и «определенными крайностями материализма», с другой стороны, он описывает «битву», которая бушует в его уме и сердце. Для Беньямина, провозгласившего своей главной амбицией — стать ведущим германским критиком, кризис, который охватил плотную связку политики, искусства и работы, а выразался в первую очередь в его вопрошании о роли интеллектуала во времена революционных изменений, был кризисом экзистенциальным.

В 1930 году Беньямин и Бертольт Брехт обнародовали план создания журнала с предполагаемым названием «Кризис и критика», который издательство *Rowolt* согласилось издавать. Название журнала очевидным образом обыгрывает общий греческий корень понятий «кризис» и «критика»/«критический». Целью изда-

20. Перевод восстановлен по: *Idem*. *Moskauer Tagebuch*. S. 359. — *Прим. пер.*

ния должно было стать обсуждение роли (буржуазной) интеллигенции в период кризиса с уклоном в сферу политического.

Беньяминовский «Меморандум» 1930 года, анонсирующий запланированный журнал, гласит:

[Журнал] по своему характеру — *политический*. Это значит, что его критическая активность укоренена в ясном сознании *критической* фундаментальной ситуации современного общества. Оно стоит на почве классовой борьбы. Однако не имеет партийно-политического характера. В частности, это не пролетарское издание, не орган пролетариата. Наоборот, оно будет занимать вакантное пространство для органа, в котором буржуазная интеллигенция отдает себе отчет о тех требованиях и идеях, только и делающих при сегодняшних условиях возможным углубленное и последовательное производство в противовес обыкновенному, самочинному и непоследовательному²¹.

Спустя несколько недель Беньямин утверждал в письме к Брехту:

Журнал задумывался как орган, в котором эксперты из буржуазного лагеря должны были взять на себя описание кризиса в научном исследовании [*Wissenschaft*]²² и искусстве. Это означало демонстрировать буржуазной интеллигенции, что методы диалектического материализма продиктованы настоятельными нуждами существования²³.

Интересно, что к журналу, выходящему два раза в месяц, планировалось нерегулярное приложение, целью которого было поощрять и, более того, стать площадкой для диалога интеллектуалов из разных областей, касающегося «критических и теоретических оснований коллективной работы». Ожидалось, что сотрудники и авторы журнала будут производить «тезисы», которые побуждали бы других авторов отвечать, либо выразив согласие, либо объяснив свою «обоснованную критику».

Журнал «Кризис и критика» так и не был издан, поэтому Беньямин вышел из состава редколлегии еще до закрытия нациста-

21. *Idem*. Memorandum zu der Zeitschrift «Krisis und Kritik» // *Gesammelte Schriften*. Bd. VI. S. 619. Курсив мой. — С. Г. (Перевод восстановлен по немецкому оригиналу. — Прим. пер.)

22. Слово «наука» (*Wissenschaft*) в немецком языке включает все области исследования, не только естественные науки.

23. *Idem*. *The Correspondence. 1910–1940*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 370. Курсив мой. — С. Г.

ми издательской компании *Rowolt*, которое окончательно решило судьбу планируемого издания. Официальная причина ухода Беньямина, как он писал в том же письме Брехту, была в том, что в предполагаемом первом выпуске «ни одно из трех поданных эссе не могло претендовать на то, чтобы быть написанным авторитетным экспертом».

Неудавшийся план «Кризиса и критики» совпал с первым периодом (пришедшимся на времена непосредственно после московской поездки) интенсивной работы Вальтера Беньямина над текстами, цитатами, комментариями и афористическими или философскими размышлениями, которые он назвал *Passagen-Werk* и которые в итоге были опубликованы на английском языке как «Проект аркад». Как указывают Питер Осборн и Мэтью Чарлз в своей статье о Беньямине в Стэнфордской философской энциклопедии, «образующая свод историческая концепция» «Проекта аркад» может быть идентифицирована как «капиталистический модернизм или как „кризис опыта“», в котором «исследование кризиса опыта через „кризис искусств“ занимает почетное место»²⁴.

Более того, беньяминовская мысль, относившаяся к его собственной работе, постоянно обращалась к тем способам, которыми он мог развивать практику письма — он мог бы назвать это «формой», — адекватную природе опыта текущего дня. Эта мысль должна была также отвечать, явно или неявно, на вопрос, который он сформулировал в дневниковой записи за 9 января: «Что „революционного“ в форме [его работы] и есть ли вообще в ней что-то революционное?»

Непосредственно по возвращении из Москвы Беньямин дал Буберу следующее описание обещанного эссе «Москва»: «Мое представление будет избегать теории... позволяя всему сотворенному живому говорить самому за себя». В раннем фрагменте *Passagen-Werk* встречается описание относительно схожих задач: «Эта работа должна в высшей степени развивать способ цитирования без кавычек. Ее теория тесно связана с теорией монтажа»²⁵. И в известном сейчас пассаже:

24. Osborne P., Charles M. Walter Benjamin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). Fall 2015 ed. P. 21. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/benjamin>.

25. Benjamin W. The Arcades Project / H. Eiland, K. McLaughlin (trans.). Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. P. 458 (N 1, 10). (Перевод восстановлен по: *Idem*. Das Passagen-Werk // Gesammelte Schriften. Bd. V. S. 572 (N 1, 10). — Прим. пер.)

Метод этого проекта: литературный монтаж. Мне не нужно ничего *говорить*. Лишь показывать. Я не буду заниматься хищением ценностей, соответствующих замысловатым формулировкам. Но ветошь, отбросы — я буду их не инвентаризировать, но буду предоставлять возможность к ним же самим приходиться тем одним способом, каким это возможно: употребляя их с пользой²⁶.

Как подчеркивала Зигрид Вайгель в своей книге «Пространство тела и образа: перечитывая Вальтера Беньямина», понимание Беньямином опыта было тесно связано с его развивающейся теорией о роли образов в языке и мышлении²⁷. Для Беньямина, по крайней мере до конца 1920-х годов, и тексты, и мир нуждались в том, чтобы быть «прочитываемыми», то есть представлять доступными для чтения посредством способов, которые не были бы ни описательными, ни явно теоретическими. Фундаментальная встреча Беньямина с Иммануилом Кантом, подчеркнутая Осборном и Чарльзом, и чтение Фрейда, которое Вайгель убедительно описывает как значительно повлиявшее на поздние взгляды Беньямина на язык и мышление, — и то и другое причастно акту прочитывания мира. И то и другое питается непосредственно теорией диалектического образа, которая поддерживает беньяминовское понимание истории не как «прогрессивное» и основанное «на том способе, которым вещи действительно есть», но как восходящее из мимолетных прозрений, которые, в специфическом беньяминовском метафизическом извиве, содержат — или исполняют — сущностно не-синтезируемую диалектику прошлого и будущего²⁸. Мимолетные, несхватываемые образы не-синтезируемы и не-кодифицируемы в языке, что не значит, что они не-переводимы; это означает лишь то, что язык, на который они переводимы, концептуально не фиксирован и оставляет открытым пространство для появления новых значений, которые должны быть предоставлены читателями. В структурном аспекте этот метод требует от читателя того же, что и от историка, который, согласно беньяминовской мысли, должен

26. *Idem*. The Arcades Project. P. 460 (N 1a, 8). (Перевод восстановлен по: *Idem*. Das Passagen-Werk. S. 574 (N 1a, 8). — Прим. пер.) См. также: *Idem*. The Arcades Project. P. 860 (O³, 36).

27. *Weigel S.* Body- and Image-Space. Re-Reading Walter Benjamin / G. Paul et al. (trans.). L.; N.Y.: Routledge, 1996.

28. Вайгель отдает предпочтение «не-синхронному», где мимолетная природа диалектического образа делает распознаваемыми вещи, сущностно связанные с другими временными горизонтами.

смотреть на историю, позволяя пробиваться вспышкам озарений во всякой вдруг возникающей «сейчас-распознаваемости».

В одном фрагменте из материалов *Passagen-Werk*, который, вполне возможно, восходит к первой фазе работы над ним в 1930-е годы²⁹, Беньямин указывал на «читабельность» образов как характеристику, которая зависит целиком от отношений между «историческим индексом», который образы несут собой из прошлого, и временем, в котором имеет место чтение. В одном из нескольких пассажей, получивших известность в связи с его обращением к образам как «диалектике в бездействии», Беньямин разъясняет:

Исторический индекс образов не только говорит о том, что они принадлежат к определенному времени, он говорит прежде всего, что впервые он обретает читаемость в определенное время. И именно это достижение «читаемости» является критической точкой движения в его Внутреннем. Любое настоящее определяется посредством тех образов, которые с ним синхронны: любое Сейчас некоей определенной распознаваемости. <...> Прочитанный образ, нужно сказать, образ в *сейчас-распознаваемости*, несет отпечаток *критического*, в высшей степени опасного момента, который лежит в основе всего чтения³⁰.

В другом пассаже (свиток *N*) Беньямин проводит демаркационную линию между чтением мира и чтением текста. Здесь он ссылается на комментарий как один из аспектов критики:

Снова и снова уяснять для себя, как комментарий (ведь речь здесь идет о комментарии, истолковании в деталях) требует для действительности совершенно другого метода, нежели такого, который применяется к тексту. В одном случае — теология, в другом — филология выступают научным основанием³¹.

Отсылка к теологии здесь очень важна. И понятие диалектического образа, и практика литературного монтажа, видимо, хорошо

29. Этот пассаж был отчасти адресован Хайдеггеру, которого, как Беньямин однажды сказал, они с Брехтом намеревались опровергнуть. См. письмо Шолему от 25 апреля 1930 года: *Benjamin W. An Gerschom Scholem*, 25.04.1930 // *Briefe*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1978. Bd. II. S. 514.

30. Перевод восстановлен по: *Idem*. *Das Passagen-Werk*. S. 577–578 (N 3, 1). — *Прим. пер.*

31. Этот и предыдущий пассажи из свитка *N* были идентифицированы как составленные во время первого этапа работы Беньямина над «Пассажами», в конце 1920-х — начале 1930-х годов. См. примечания Рольфа Тидеманна о датировании пассажей проекта: *Ibid.* S. 1261–1262.

подходят в качестве «форм», создающих возможность возникновения неопределимого, непознаваемого «чего-то», что Беньямин идентифицировал в «Задаче переводчика» как жест, указующий в сторону вечного.

Непосредственно после процитированного выше пассажа о читабельности Беньямин указывает на сходство между своим пониманием критического комментария как составной части написания истории и своей теорией перевода. Во фрагменте (N 2, 3) он постулирует:

Историческое «понимание» должно принципиально схватываться как после-жизнь [*Nachleben*] понятого; и потому то, что было узвано в анализе «после-жизни произведения», «славы», следует рассматривать как основание истории вообще³².

И в 1930 году, когда был пережит проект «Кризис и критика» и выход из него, Беньямин даже с большей настойчивостью отметил для себя в коротком фрагменте, где выдвигалась мысль, что критицизм должен, как полагается, включать не только новые работы, но и свежие подходы к старым работам: «Отметить, что эта теория критицизма как воплощения и раскрытия жизни произведений имеет связь с моей теорией перевода»³³.

Это возвращает нас к переводимости «Московского дневника», его характеристике как произведения искусства, а также его переводимости и «славы», достигнутой в 2016 году.

Выше говорилось, что переводимость «Дневника» во втором десятилетии третьего тысячелетия связана с его центральным тропом кризиса, в частности кризиса отчужденного буржуазного (или деклассированного) интеллектуала и художника во времена насилия, нестабильности, художественного брожения и политической опасности. Этот троп — и его незаметная, скрытая форма в сердцевине наиболее личных работ Беньямина — отчетливо резонирует в контексте других текстов той эпохи. Вместе с тем он резонирует с современным личным, политическим и социальным кризисом, нашей способностью (неспособностью) производить теорию, метод или схему — или даже убедительную критику — адекватного

32. *Idem*. The Arcades Project. P. 460 (N 2, 4). (Перевод восстановлен по: *Idem*. Das Passagen-Werk. S. 574–575 (N 2, 4). — Прим. пер.)

33. *Idem*. The First Form of Criticism that Refuses to Judge/R. Livingstone (trans.)// Selected Writings/M. W. Jennings et al. (eds). Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. Vol. 2. P. 372–373. Фрагмент написан в июне 1930 года или позднее; при жизни Беньямина не публиковался.

анализа реальности из не-цинической позиции, которая держала бы открытым пространство для «вечного» и, таким образом, позволяла бы нам работать и действовать с сознательной эффективностью. Это предполагает создание произведения искусства и политическую активность в мире радикальной невозможности принятия решения и теоретической несостоятельности, которому в то же время угрожает военизированное насилие, растущее неравенство в экономической и социальной жизни, безудержное потребительство и не нуждающееся в человеке *data-driven* программирование, политический беспорядок и надвигающаяся экологическая катастрофа — все это как на глобальном, так и на локальном уровне.

Мы все сегодня читаем Беньямина как переводчики, если даже не его языка, то его мыслей. Как критически настроенные читатели (в специфическом смысле, который он приписывает этому понятию) и, конечно, как писатели, мы пытаемся локализовать величие его произведения — в том числе чтобы внести свой вклад — в контексте наших современных кризисов и противоречий. Похоже, что последние реакции на «Дневник», связанные с проектом «Блуждание» фонда *Slought*, поддерживают такую гипотезу. Среди примеров: Аарон Леви (фонд *Slought*³⁴) с *has-beens*³⁵ как центральным тропом, выдвигающим на передний план необходимость адаптации как средства интеллектуального выживания индивидов, которые, разрываясь между буржуазными и революционными тенденциями, стремятся сохранить лиминальность (пороговое состояние), но в то же время не быть отторгнутыми; Сергей Ситар (Московская архитектурная школа) с беньяминовским открытием двойного отчуждения — от существующего языка и от идеального языка; Олег Никифоров (Институт философии Российской академии наук) с беньяминовской «персоной без мандата», которая необратимо приговорена к «блужданию»; Дэвин Фор (Принстон) со способами, которыми Беньямин смести-

34. См. сайт проекта *Straying* Фонда *Slought*, URL: <https://slought.org/resources/straying>. — Прим. пер.

35. *Has-beens* — так на английский язык переведено выражение «бывшие люди», в немецком тексте Беньямина звучащее как *gewesene Leute*: *Noch eine seltsame Vokabel lernte ich am gleichen Abend kennen. Das ist der Ausdruck "gewesene Leute" für die von der Revolution depossedierten Bürgerkreise, die sich den neuen Verhältnissen nicht haben anpassen können* («Еще с одним странным словом познакомился я в тот же вечер. Это выражение „бывшие люди“, которых революция лишила буржуазного круга и которые не сумели приспособиться к новым отношениям»; *Idem*. *Moskauer Tagebuch*. S. 370). — Прим. пер.

вает разные слои времени, заканчивающиеся взрывом и неразрешимостью — о «времени, вырванном из времени»³⁶.

Несомненно, испытавшие влияние собственно беньяминовской философии истории, эти писатели и ученые, наряду с другими, не упомянутыми здесь, видят в «Дневнике» типичный документ времени, которое само воспринималось как «блуждание» (Ситар), вынуждало интеллектуалов и представителей искусства сталкиваться с вопросом, как оставаться лиминальными, быть «интеллектуальными аутсайдерами», в то же время продолжая осуществлять политические и художественные акции в этом мире.

В этих и других примерах кризис Беньямина 1920-х годов эхом отражается в XXI веке по мере приближения к нашим двадцатым. Не нужно быть философом или критиком, чтобы распознать, что мы сегодня тоже лицом к лицу сталкиваемся с моментом глубокого кризиса и опасности. Конечно, приближающиеся двадцатые не будут такими же, что предыдущие. Ситуация сегодняшнего дня уникальна. Как пишет Беньямин в «Задаче переводчика», «перевод был бы невозможен, если бы он в конечном итоге и по сути своей стремился к поиску сходства с оригиналом». В каждом истинном переводе, как и в каждой попытке понимания истории, всегда есть нечто большее, нечто неопределимое, что, в зависимости от нашей интеллектуальной ориентации, мы могли бы идентифицировать как надежду, или желание, или политику, и/или эстетику революционной возможности.

Беньяминовское размышление о кризисе призывает нас, кроме прочего, читать его критически, с оппозиционной точки зрения, которую он и Брехт намеревались принять в журнале «Кризис и критика». Этот проект о критике как о деле, посвященном проблемной роли буржуазной интеллигенции во времена кризиса, был отчетливым образом описан как *политический*³⁷. Что предполагало: критическое чтение является необходимо политическим и должно (также) иметь характер противостояния и борьбы. Де-

36. Я упоминаю лишь несколько докладов, которые были даны в замечательной серии встреч, связанных с проектом «Блуждание»: они были организованы фондом *Slought* и проходили в Нью-Йорке, Принстоне и Москве. Аудиозаписи этих и других выступлений доступны онлайн. См.: *Straying: A Book of Instructions*, URL: https://slought.org/resources/straying_a_book_of_instructions, *Straying: An Atlas of Untold Territories*, URL: https://slought.org/resources/straying_atlas_of_untold_territories, *Straying: The Drift of History*, URL: https://slought.org/resources/straying_the_drift_of_history, *Straying: Diary of a Cold Universe*, URL: https://slought.org/resources/straying_diary_of_a_cold_universe.

37. См. сноску 19 (курсив — в беньяминовском тексте).

структивная работа критического комментария, политическое сопротивление и оппозиция, которые необходимы для корректного прочтения мира, продолжают бросать нам вызов и сегодня. Вайгель цитирует указание Бенямина на важность «обратного поворота» (*Umkehr*), прочитываемого в первую очередь в связи с важностью восприятия и памяти, — по Бенямину, центрального места эпистемологического, темпорального или психоаналитического возвращения: «Обратный поворот есть направление исследования, которое превращает существование конкретного человека в письмо»³⁸. Сегодня столь же безотлагательно, как в 1920-х и 1930-х годах в Европе, *обратный поворот* должен пониматься в критическом и политическом смысле.

Противостоять сегодняшним реалиям означает распутывать множество перекрещенных линий запросов и угроз, каждая из которых требует ответов — в той же мере практических и политических, что и филологических и философских. Масштаб нашего кризиса, как и беняминовского, захватывает конститутивные элементы человеческого существования: любовь (социальный пол и семья); работа (глобализирующийся неолиберализм, цифровое кодирование и виртуализация, растущее экономическое неравенство и нестабильность); политика (избирательная политика нашей формальной, представительной демократии, становящаяся настолько опасной, насколько возможно в наше время, но также и более масштабные вопросы власти, насилия и организации общества); искусство как наше лучшее средство, документирующее и бросающее вызов актуальной действительности теми способами, которые также делают возможным зримо предвосхищать другой мир. От Бенямина мы можем узнать, что наша критика и активность, наряду с нашей философией, должны оставлять — или открывать! — пространство для революционной возможности, согласно которой мы можем владеть как нашим прошлым, так и нашим будущим, а в настоящий момент — мимолетно видеть его проблески. Может быть, именно в искусстве мы найдем какие-то пути для продвижения вперед.

В этом смысле переводить Бенямина — значит прочитывать его кризис и в отношении различий, и в отношении его сходства с настоящим; прочитывать его тексты как ради его критического, оппозиционного взгляда, так и ради жеста отречения, который также обитает в каждом акте перевода. В этом отречении кроется неизбежная и целительная открытость языка для всякой новой интер-

38. Benjamin W. Franz Kafka // *Gesammelte Schriften*. Bd. II-2. S. 437.

претации тех истин, которые мы точно не найдем исполненными в наших политических и социальных мирах, прошлом или будущем, но которые подспудно сохраняются в актах истинного говорения, чтения и письма как подстрочный вариант того, что мы переводим.

Библиография

- Benjamin W. An Gerschom Scholem, 25.04.1930 // Idem. Briefe. Bd. II. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1978.
- Benjamin W. Das Passagen-Werk // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. V. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991.
- Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV-1. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1972.
- Benjamin W. Franz Kafka // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. II-2. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991.
- Benjamin W. Memorandum zu der Zeitschrift «Krisis und Kritik» // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1985.
- Benjamin W. Moscow Diary. Cambridge; L.: Harvard University Press, 1986.
- Benjamin W. Moscow Diary // October. 1985. № 35. P. 4-146.
- Benjamin W. Moskau // Die Kreatur. 1927. Vol. 2. S. 71-101.
- Benjamin W. Moskau // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. IV-1. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1972. S. 316-348.
- Benjamin W. Moskauer Tagebuch // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1985.
- Benjamin W. The Arcades Project. Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. The Correspondence. 1910-1940. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Benjamin W. The First Form of Criticism that Refuses to Judge // Idem. Selected Writings. Vol. 2 / M. W. Jennings, H. Eiland, G. Smith (eds). Cambridge, MA; L.: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. Zeugnisse zur Entstehungsgeschichte // Idem. Gesammelte Schriften. Bd. V. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1991.
- Ingram S. The Writing of Asja Lacis // New German Critique. 2002. Vol. 86. P. 159-177.
- Osborne P., Charles M. Walter Benjamin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta (ed.). Fall 2015. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/benjamin>.
- Weigel S. Body- and Image-Space. Re-Reading Walter Benjamin. L.; N.Y.: Routledge, 1996.
- Эйланд Х., Дженнингс М. Вальтер Беньямин: жизнь в критике. М.: Дело, 2017.

ON THE TRANSLATABILITY OF WALTER BENJAMIN'S THE MOSCOW DAIRY: A CRITICAL VIEW FROM THE 21st CENTURY

SUSAN H. GILLESPIE. Vice President for Special Global Initiatives,
gillespi@bard.edu.
Bard College, P.O. Box 270, Rosendale, NY 12472, USA.

Keywords: translatability; crisis; critique; politics; bourgeois intellectuals.

Walter Benjamin's theory of translatability, in *The Task of The Translator*, argues that the "fame" of great works reveals itself only gradually, in the meanings ascribed to the works by future generations in their new translations. In this way, the works live and "gesture toward eternity." The contemporary "fame" of *The Moscow Diary* is found to be linked to a concept that is mentioned only incidentally in the diary, but that was at the center of Benjamin and Bertolt Brecht's common, failed project of the 1930's: the journal *Crisis and Critique*. The aim of the journal was to unify bourgeois intellectuals—confronted, as we are, by war, economic volatility, and political violence—around a common analytical and political project. For Benjamin, the crisis forced a decision (ultimately negative) about whether to join the Communist Party, and sharpened his awareness of the conflict between the formal and metaphysical aspects in his writing: between form and content.

The response to political, intellectual, personal, and aesthetic crisis that is embodied in *The Moscow Diary* is seen as presaging the fragmentary, montage-based form of the *Arcades Project*, and as challenging intellectuals in the 21st century, for our part, to respond with a critical reading of events that is necessarily political and must (also) be characterized by opposition and struggle. As a translation of Benjamin's work into our own era, this response should also consciously leave open a space for the emergence of new, theoretically unforeseeable revolutionary meanings and possibilities.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-1-179-198

References

- Benjamin W. An Gerschom Scholem, 25.04.1930. *Briefe. Bd. II*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1978.
- Benjamin W. Das Passagen-Werk. *Gesammelte Schriften. Bd. V*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers. *Gesammelte Schriften. Bd. IV-1*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Franz Kafka. *Gesammelte Schriften. Bd. II-2*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. Memorandum zu der Zeitschrift "Krisis und Kritik". *Gesammelte Schriften. Bd. VI*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Benjamin W. *Moscow Diary*, Cambridge, London, Harvard University Press, 1986.
- Benjamin W. *Moscow Diary. October*, 1985, no. 35, pp. 4–146.
- Benjamin W. Moskau. *Die Kreatur*, 1927, vol. 2, S. 71–101.
- Benjamin W. Moskau. *Gesammelte Schriften. Bd. IV-1*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991, S. 316–348.
- Benjamin W. Moskauer Tagebuch. *Gesammelte Schriften. Bd. VI*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.

- Benjamin W. *The Arcades Project*, Cambridge, MA, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. *The Correspondence. 1910–1940*, Chicago, University of Chicago Press, 1994.
- Benjamin W. The First Form of Criticism that Refuses to Judge. *Selected Writings. Vol. 2* (eds M. W. Jennings, H. Eiland, G. Smith), Cambridge, MA, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
- Benjamin W. Zeugnisse zur Entstehungsgeschichte. *Gesammelte Schriften. Bd. V*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1974–1991.
- Eiland H., Jennings M. *Val'ter Ben'iamin: zhizn' v kritike* [Walter Benjamin: A Critical Life], Moscow, Delo, 2017.
- Ingram S. The Writing of Asja Lacis. *New German Critique*, 2002, vol. 86, pp. 159–177.
- Osborne P., Charles M. Walter Benjamin. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (ed. E. N. Zalta), Fall 2015. Available at: <http://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/benjamin>.
- Weigel S. *Body- and Image-Space. Re-Reading Walter Benjamin*, London, New York, Routledge, 1996.